

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Легитимизация терроризма
в подростково-молодежной среде:
от механизмов радикализации к модели оценки риска**

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Лаврешкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Актуальная ситуация складывается таким образом, что запросы практики на разработку инструмента оценки риска пока еще опережают возможности психологической науки. Анализ моделей оценки риска радикализации, используемых преимущественно в пенитенциарной системе ряда стран, говорит в пользу дискусионности этих инструментов, отсюда требуются их дальнейшее теоретическое осмысление и экспериментальная проверка. Цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования заключается в формулировании ключевых составляющих модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Критический анализ моделей оценки риска и социально-психологических теорий радикализации позволил продемонстрировать преимущества теории неопределенности-идентичности М. Хогга по сравнению с другими объяснительными концепциями. На основе теории неопределенности-идентичности были сформулированы предположения относительно оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

Ключевые слова: радикализация, терроризм, механизмы радикализации, чувство неопределенности, социальная идентичность, оценка риска.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (Государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00110-22-02 от 08.04.2022 «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитаты: Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б. Легитимизация терроризма в подростково-молодежной среде: от механизмов радикализации к модели оценки риска [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170. DOI:10.17759/psylaw.2022120412

The Legitimization of Terrorism in Adolescence and Youth: from Radicalisation Mechanisms to Risk Assessment Model

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Nikita V. Lavreshkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

The demands of practice for the development of radicalisation risk assessment tools are still ahead of the capabilities of psychological science. An analysis of radicalisation risk assessment models used predominantly in the penitentiary systems of several countries suggests that these tools are controversial, hence the need for further theoretical reflection and experimental testing. The aim of the theoretical and analytical study outlined here is to formulate the key components of a model for assessing the risk of radicalisation in adolescent and young adult environments. Critical analysis of risk assessment models and social psychological theories of radicalisation allowed to demonstrate the advantages of M. Hogg's uncertainty-identity theory in comparison with other explanatory concepts. Following the ideas of the uncertainty-identity theory several hypotheses were proposed in order to assess the radicalisation risk among adolescents and young people.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

Keywords: radicalisation, terrorism, mechanisms of radicalisation, feeling of uncertainty, social identity, risk assessment.

Funding. The work was performed as a part of the research project “Assessment of the radicalisation risk among young people” (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, no. 073-00110-22-02 dated 08.04.2022).

For citation: Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Bovina I.B. The Legitimization of Terrorism in Adolescence and Youth: from Radicalisation Mechanisms to Risk Assessment Model. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170. DOI:10.17759/psylaw.2022120412 (In Russ.).

Введение

Терроризм насчитывает не менее двух тысячелетий своего существования [8]. Это явление развивалось, модифицировалось, приобретая все новые и новые особенности, специфические для каждой исторической эпохи. Пожалуй, к самым последним изменениям этого явления относится трансформация терроризма из *классического* в *глобальный* [35]: когда, перестав быть явлением, ограниченным рамками отдельного национального государства, терроризм стал глобальным и безграничным [4; 35]. Кроме этого, для реализации террористической деятельности стали использоваться самые новейшие достижения технического прогресса современного мира [4], а развитие технологий позволило масштабно вовлекать людей в террористическую деятельность. При этом одна характеристика, присущая терроризму, сохранялась неизменной на протяжении всего существования этого явления: терроризм представлял и по-прежнему представляет чрезвычайно серьезную проблему для человечества, поскольку угрожает жизни людей. Этот аспект определяет актуальность предлагаемого здесь теоретико-аналитического исследования. В фокусе нашего внимания в работе оказывается обсуждение механизмов радикализации и моделей оценки риска радикализации. Цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования заключается в формулировании ключевых составляющих модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

В настоящей работе воспользуемся определением терроризма, согласно которому, это «...действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [12, р. 496]. Радикализация же представляет собой процесс, ведущий к совершению акта терроризма [28]. Террористическая деятельность нарушает основополагающий запрет различных культур и религий, касающийся совершения насилия, особенно когда оно направлено на безоружных граждан, не вовлеченных во враждебные действия [11]; отсюда очевидна важность поиска механизмов процесса радикализации и предикторов вовлечения в террористическую деятельность. В самом широком смысле под оценкой риска понимается «...попытка предсказать вероятность будущего, обычно негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события» [17, р. 283]. В психологии логика оценки риска используется для принятия решения о вероятности совершения насилия тем или иным индивидом; важной составляющей является информация о психическом благополучии этого индивида [17; 30]. В случае построения модели оценки риска радикализации существует, однако, целый ряд нюансов.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

Как отмечает М. Вьеверка, на исследовательском уровне проблема терроризма долгое время оставалась своего рода маргинальной областью (менее привлекательной, благородной и престижной, по сравнению с другими) для представителей социальных наук [35]. Так, в 1960-х гг. проблемы терроризма оказывались в фокусе преимущественного внимания представителей разведывательных служб; исследования терроризма в рамках психологического знания были относительно немногочисленными (количество терактов было значительно меньше, чем в современном мире [14]), психологическое сообщество склонялось в пользу использования конструктов клинической психологии для объяснения этого феномена: существует патологическая личность с предрасположенностью к совершению насилия [12]. В современной ситуации проблемы терроризма, согласно М. Вьеверке, стали закономерной частью развития социальных наук [35]; как следствие, проблемы терроризма попали в фокус внимания социологии и психологии.

В рамках психологического знания в современной литературе имеется своего рода консенсус, согласно которому, объяснительными конструктами процесса радикализации и ее финального акта — терроризма — являются психологические переменные, используемые для «нормальной» популяции [10; 12]. Кроме того, едва ли можно говорить о существовании единого психологического профиля террориста. Эти тезисы подкрепляются достаточно разнообразными фактами.

Во-первых, по современным данным, наиболее точный показатель радикализации для лиц с подтвержденным диагнозом составляет 14,4% [13]; отсюда, психическое неблагополучие не может рассматриваться как достаточный объяснительный фактор процесса легитимизации терроризма.

Во-вторых, обратимся к результатам систематического анализа литературы о связи психического неблагополучия и вовлеченности в террористическую деятельность [33]: опять же психическое неблагополучие не выступает ни единственным, ни достаточным фактором для объяснения процесса радикализации и легитимизации террористической деятельности. Более того, психическое неблагополучие не является более распространенным среди представителей террористических группировок по сравнению с людьми того же возраста, но не вовлеченными в террористическую деятельность. Только в отношении так называемых «одиноких террористов» имеются основания утверждать, что распространенность психического неблагополучия среди них оказывается выше по сравнению с населением в целом. Другими словами, в отношении этой категории террористов констатируется такая закономерность: большая степень изолированности индивида, вовлеченного в совершение террористических действия, сочетается с более высокой частотой представленности психического неблагополучия среди этой категории террористов по сравнению с населением в целом [33]. В пользу этого говорят и данные другого исследования: террористы-одиночки имеют больше проблем с психическим здоровьем, по сравнению с террористами, действовавшими в группе и имевшими отношения с группой экстремистов, не входя при этом в состав террористической группировки [13].

Наконец, отсутствие единого профиля террориста можно продемонстрировать на результатах исследования, предпринятого А. Мерари с коллегами [27], где с помощью полустандартизированного интервью и проективных методик (Роршаха, ТАТ) на небольшой выборке осужденных за терроризм (N=41 человек) были выявлены специфические особенности личности трех категорий террористов: 1) «кандидаты» в террористы-смертники (те, у кого

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

взрывное устройство не сработало, и те, кого арестовали по пути к месту совершения террористической атаки); 2) террористы, вовлеченные в акты насилия, но не являющиеся смертниками; 3) организаторы и координаторы действий террористов. Итак, «кандидаты» в террористы-смертники имели значительно более низкий уровень силы Эго по сравнению с террористами-организаторами. Большая часть из осужденных в первой группе демонстрировали зависимый тип личности, поддающийся групповому влиянию. Представителям второй и третьей групп были характерны импульсивность и эмоциональная неустойчивость. «Кандидаты» в террористы-смертники интроецируют свой гнев и влечения, это связывается с предпочтением именно этой роли. Представители других групп экстернализируют гнев, они успешнее справляются с ролями, не требующими самоуничтожения.

Таким образом, оставляя в стороне категорию террористов-одиночек, где знания из клинической психологии по-прежнему востребованы и применимы, и концентрируя внимание только на террористической деятельности, реализуемой группой, очевидно, что объяснительная модель процесса легитимизации терроризма (радикализации), а также модель оценки риска радикализации должны использовать другие конструкты, чем патологическая аномалия личности или особенности личности. Ключевым должен быть акцент на групповых и межгрупповых процессах. По замечанию А. Круглянский с коллегами, террористические атаки являются собой наиболее кровавые проявления межгрупповых конфликтов современности [24].

В самых общих чертах оценка риска радикализации является важной частью стратегии предупреждения терроризма на ранней стадии. Отсюда становится очевидной важность прогнозирования радикализации в подростково-молодежной среде, поскольку присоединение к террористическим группам и организациям происходит преимущественно в молодом возрасте [6].

Наряду с этим существует целый ряд серьезных препятствий на пути прогнозирования риска радикализации. В первую очередь, это касается проблемы прогноза в психологии в целом [4; 11]. Попытка предсказать то, как будет действовать тот или иной индивид скорее всего базируется на постулатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении, на что неоднократно указывалось в литературе [11; 17; 30]. Индивид наделяется своего рода «стигмой», относительно риска участия в террористической деятельности, однако вопрос точности прогноза зачастую остается открытым [30]. Тем не менее, логика построения модели оценки риска не является новой, обозначенные выше препятствия на пути построения прогноза должны быть, несомненно, приняты во внимание для поиска более надежного и тонкого инструмента оценки.

От механизмов радикализации к модели оценки риска

Вслед за серией террористических атак 11 сентября 2001 г. наблюдается резкий рост исследовательского внимания к проблемам радикализации и терроризма [31]: в литературе имеется значительное количество работ, будь то модели, схемы или эмпирические исследования, в фокусе внимания которых оказывается объяснение того, как человек вовлекается в террористическую деятельность, становится на путь совершения актов крайнего насилия, а также направленных на прогнозирование радикализации. Имеющиеся модели оценки риска преимущественно используются для определенной категории людей — осужденных, находящихся в местах лишения свободы) [26; 29; 30].

Существуют пять моделей оценки риска радикализации, которые используются в различных европейских странах: 1) VERA-2R (Оценка риска экстремизма, связанного с насилием);

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

2) ERG22+ (Руководство по риску экстремизма 22+); 3) RRAP (Оценка риска радикализации в тюрьмах); 4) IR46 (Модель исламистской радикализации); 5) RADAR-iTE (Оценка повышенного риска исламистского терроризма) [29].

Таблица 1

Модели оценки риска радикализации [29]*

Модели	Предназначение модели	Целевая группа, тип экстремизма
VERA-2R (Оценка риска экстремизма, связанного с насилием - 2R)	Оценка вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, с последующим контролем	Осужденные за терроризм и экстремистски настроенные лица (модель применима для молодежи и взрослых). Любой тип экстремизма (политический, религиозный или социальный)
ERG22+ (Руководство по риску экстремизма 22+)	Оценка вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, с последующим контролем	Осужденные за терроризм. Любой тип экстремизма (политический, религиозный или социальный)
RRAP (Оценка риска радикализации в тюрьмах)	Оценка степени уязвимости и риска экстремизма, с последующими мерами воздействия	Осужденные, склонные к экстремизму, связанному с насилием. Любой тип экстремизма (политический, религиозный или социальный)
IR46 (Модель исламистской радикализации 46)	Выявление признаков исламистского экстремизма и готовности к применению насилия	Индивиды из общей популяции, демонстрирующие признаки экстремизма (в том числе индивиды в возрасте от 12 лет). Только исламистский экстремизм
RADAR-iTE (Оценка повышенного риска исламистского терроризма)	Выявление исламистов, готовых к совершению насильственных действий	Лица с высоким уровнем риска (известные террористы и заключенные салафиты), срок заключения которых подходит к концу. Только исламистский экстремизм

Примечание: «*» — таблица основывается на анализе отчета «Оценка риска в тюрьме», подготовленного для Европейского Совета в 2021 [29].

Можно говорить о том, что модели, представленные в табл.1, апеллируют к разным объяснительным конструктам: так, например, модель оценки риска экстремизма опирается на идеологию, в руководстве по риску экстремизма таким конструктом оказывается идентичность; в модели оценки повышенного риска исламистского терроризма акцент делается на социальном окружении индивида [29]. Модели разнятся в количестве факторов риска, на основе которых выносится суждение о риске радикализации. В случае двух моделей (руковод-

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

ство по риску экстремизма, модель исламистской радикализации) допускается, что профессионал, принимающий решение о риске радикализации, опирается на дополнительные факторы риска [29]. Факторы защиты варьируют в этих моделях — от небольшого количества фиксированных переменных (например, в случае модели оценки риска экстремизма) до неограниченного количества (например, в случае модели исламистской радикализации) [29]. Все эти инструменты оценки риска радикализации предназначены для профессионального использования и требуют специального обучения для принятия решений о риске радикализации [29].

Дискуссионность использования этих моделей оценки риска обусловлена рядом особенностей: даже если оставить в стороне вопросы этического толка (хотя в моделях и упоминается соответствие этическим кодексам психологических ассоциаций тех или иных стран [26]), открытыми остаются вопросы относительно того, на какие механизмы радикализации опираются эти модели; исходят ли они из концепций, получивших проверку в экспериментальных исследованиях. В лучшем случае эти модели оценки опираются на комбинацию идей, принадлежащих ряду теоретических моделей [26; 29]. В худшем случае они исходят из эмпирических фактов. Например, в случае руководства по риску экстремизма теоретическая база объединяет идеи, принадлежащие к различным концептуальным схемам (в частности: теория причинного действия А. Айзена и М. Фишбейна [26], теория авторитарной личности Т. Адорно [26], теория социальной идентичности Г. Тэшфела [32]). В отдельности эти теории имеют эмпирическую проверку, но их фрагментарное использование требует соответствующего осмысления и артикуляции на теоретико-методологическом уровне, поскольку сами теории принадлежат к различным уровням социально-психологического объяснения [9].

Кроме всего прочего, не совсем ясно, какова точность принимаемого решения, не возникают ли эффекты и феномены социальной перцепции, искажающие восприятие на межличностном уровне, затрудняющие точность оценок, не допускается ли фундаментальная ошибка атрибуции.

Таким образом, модель оценки риска с необходимостью должна опираться на теоретическую модель процесса радикализации. Существует целый ряд постадийных моделей, объясняющих процесс радикализации. С опорой на анализ, предпринятый М. Кингом и Д.М. Тейлором [23], резюмируем стадии процесса радикализации, которые сформулированы в русле различных моделей (табл. 2).

Даже при беглом взгляде на стадии каждой модели [подробнее об этих моделях см.: 2] несложно заметить ряд важных особенностей: указание на групповые и межгрупповые отношения в связи с процессом радикализации. Индивид радикализуется не в одиночестве, но как член группы [34]. Именно группа конструирует определенную социальную реальность индивида, задавая его идентичность, а также соответствующую рамку восприятия мира. Авторы моделей достаточно точно подметили трансформацию социально-перцептивных процессов, сопряженных с легитимизацией терроризма. Кроме того, почти во всех моделях на ранних стадиях возникает чувство недовольства или несправедливости относительно своего положения, однако вовсе не обязательно, что переживания такого толка соответствуют реальному положению дел индивида. Коммуникация, сопровождающая процесс радикализации, может спровоцировать социокогнитивный конфликт у индивида, в результате которого человек будет озабочен поиском причин своего положения, которые приведут его к атрибуции вины.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

Таблица 2

Постадийные модели радикализации* [23]

Автор(ы) и год публикации модели	Стадии процесса радикализации
Р. Борем (2003)	1. Социальная и экономическая депривация. 2. Неравенство и обида. 3. Обвинение и атрибуция. 4. Стереотипизация и демонизация врага.
К. Викторович (2004)	1. Прозрение. 2. Поиск религии. 3. Выстраивание рамки восприятия мира. 4. Социализация.
Ф. Мохаддам (2005—2006)	1. Психологическая интерпретация объективных условий. 2. Воспринимаемые пути борьбы с несправедливостью. 3. Смещение агрессии. 4. Моральная готовность. 5. Укрепление мышления в категориях. 6. Террористический акт.
М.Д. Силбер и А. Батт (2007)	1. Пре-радикализация. 2. Самоидентификация. 3. Индоктринация. 4. Переход к джихаду.
М. Сейджман (2008)	1. Чувство морального негодования. 2. Рамка интерпретации мира. 3. Резонанс с личным опытом. 4. Мобилизация.

Примечание: «*» — таблица основывается на анализе, представленном в работе М. Кинга и Д.М. Тейлора [23].

Все эти схемы представляют большой интерес, поскольку авторам в каждом случае удалось сформулировать объяснительную модель процесса радикализации, основываясь при этом на наблюдениях за немногочисленными объектами.

С одной стороны, эти стадии подробно описаны и могли бы стать основой для формулирования модели оценки риска радикализации. Заметим, что одна из представленных выше моделей оценки риска (модель исламистской радикализации) изначально опиралась на идеи модели Ф. Мохаддама [29], однако рассогласование эмпирических фактов и теоретической рамки привели к отказу от логики шести этапов (ступеней), ведущих к совершению террори-

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

стического акта. Идеи М. Сейджмана были заимствованы для другой модели оценки риска радикализации (оценка риска экстремизма, связанного с насилием), наряду с идеями А. Бандуры и А. Круглянки [26; 29].

С другой стороны, ни одна из этих моделей не получила какой-либо систематической эмпирической проверки; очевидно, что экспериментальная проверка каузальных гипотез не предпринималась [23]. Как следствие, модели процесса радикализации остаются описательными. Таким образом, при всей привлекательности ни одна из этих схем не может быть использована в качестве концептуальной основы для формулирования модели оценки риска радикализации.

Не будет преувеличением утверждение, согласно которому только одна модель, объясняющая процесс радикализации, основывается на многократной экспериментальной проверке составляющих ее положений. Речь идет о теории неопределенности-идентичности М. Хогга [18; 19; 20; 22], опирающейся на идеи подхода социальной идентичности [16; 32]. Среди унаследованных положений: тезис о том, что индивидуальные действия определяются социальными силами; факт, что теория соответствует реалиям современного мира, где традиционные категории идентификации более не действуют, человек, получая свободу, страдает от неопределенности (Кем быть? Что делать? Что думать?). Идеология и ортодоксия способствуют разрешению этого постмодернистского парадокса: эти системы убеждений, характеризующиеся абсолютностью и определенностью, оказываются особенно привлекательными в мире моральной и поведенческой относительности [20]. Теория неопределенности-идентичности опирается на ряд исторических фактов, согласно которым, неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей [21]. Идея о том, как общество реагирует на неопределенность, не является новой, еще Дж. Дьюи заметил, что: «В отсутствие фактической определенности посреди опасного мира люди культивируют всевозможные средства, которые дали бы им чувство определенности» [цит. по: 20, р. 65]. Однако в рамках теории неопределенности-идентичности она получает осмысление в рамках психологического знания и эмпирическую проверку.

Анализ модели М. Хогга был неоднократно представлен в текстах отечественных авторов [1; 2; 3], в связи с этим в настоящей работе мы ограничимся указанием только на ключевые идеи этой теории [20], необходимые для обсуждения модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Теория неопределенности-идентичности исходит из определения социальной идентичности, предложенного Г. Тэшфелом. Социальная идентичность это: «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [32, р. 292]. В логике подхода социальной идентичности, социальная категория представляет собой прототип, который являет собой расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывает индивиду то или иное поведение. Прототип позволяет говорить о том, что характеризует данную группу («мы — такие»), и то, чем она отличается от других групп («они — этакие»).

Идентификация с группой имеет ряд чрезвычайно важных последствий для человека, в частности: он действует в соответствии с ценностями и нормами этой группы; чем больше человек идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя как

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

похожего на других членов группы и, как следствие, в большей степени переживает свою связь с другими членами группы и взаимовлияние. Именно в социальной идентичности человек обретает смысл, цель и ценность своего существования, чувство эффективности и власти [16]. Таким образом, получая от группы социальную идентичность, человек получает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать и как действовать, а также то, как воспринимают его другие и какого взаимодействия ожидать от них [18; 19].

Испытывая чувство неопределенности (особенно, если это чувство острое или хроническое), человек стремится к снижению неприятного состояния. В рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга неопределенность зависит не от особенностей личности, но от контекста. Снижение неопределенности возможно за счет социальной категоризации, которая, как было сказано выше, имеет достаточно преимуществ для человека. При этом, чем больше человек испытывает неопределенность, связанную с чувством Я, тем в большей степени он стремится к группам с высокой энтитативностью (т. е. таким группам, которые имеют четкие границы, внутреннюю однородность, иерархическую структуру и общность судьбы) [7]. Именно такие группы обладают специфическим прототипом: ясным, предписывающим и согласованным. Присоединяясь к такой группе, человек получает: всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и обретает чувство Я [20]. Чем выше у индивида идентификация с такими группами, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в действия во имя этой группы, в том числе экстремистского характера. Социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует переходу к действиям. Таким образом, снижение неопределенности — таков основной мотив присоединения к группам с экстремистскими и радикальными взглядами. Кроме солидной теоретической рамки [16; 32], эта объяснительная модель получила неоднократную экспериментальную проверку [15; 22] и может выступать основой для разработки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Модель оценки риска должна включать целый ряд эмпирических индикаторов, которые позволили бы измерить ключевые составляющие теории: особенности социальной идентичности; чувство неопределенности; особенности группы, к которой индивид хотел бы присоединиться. В рамках подхода социальной идентичности существуют многочисленные инструменты для измерения социальной идентичности [16]. Группа, которой отдает предпочтение индивид, испытывающий чувство неопределенности и стремящийся избавиться от него, должна характеризоваться высокой степенью энтитативности. Со времени выхода в свет работы Д. Кэмпбелла, в которой и было описано явление энтитативности [7], были сформулированы и получили эмпирическую проверку подходы к изучению энтитативности, а также инструменты ее эмпирического анализа [5; 25].

Таким образом, следующим шагом должно стать пилотажное исследование, которое позволило бы проверить предположения, относительно оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, базирующиеся на теории неопределенности-идентичности.

Заключение

В фокусе внимания теоретико-аналитического исследования, предложенного в настоящей работе, оказалось обсуждение механизмов радикализации и моделей оценки риска радикализации. Критический анализ имеющихся моделей оценки риска радикализации, используемых преимущественно в пенитенциарной системе ряда Европейских стран (VERA-2R (Оценка

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

риска экстремизма, связанного с насилием); *ERG22+* (Руководство по риску экстремизма 22+); *RRAP* (Оценка риска радикализации в тюрьмах); *IR46* (Модель исламистской радикализации); *RADAR-iTE* (Оценка повышенного риска исламистского терроризма) [26;29]), позволяет говорить о том, что эти инструменты достаточно дискуссионны, требуют не только дальнейшего теоретического осмысления и уточнения, но и соответствующей экспериментальной проверки. Тот факт, что указанные выше инструменты используются для принятия решения о риске радикализации осужденных (а в случае модели исламистской радикализации — и представители общей популяции [29]), хотя аккуратность и точность принимаемого решения, с психологической точки зрения, оказываются спорными, может только лишней раз свидетельствовать в пользу того, что проблема оценки риска радикализации требует своего дальнейшего исследования. Актуальная ситуация складывается таким образом, что запросы практики на разработку инструмента оценки риска пока еще опережают возможности, которыми располагает психологическое знание.

В результате анализа социально-психологических моделей радикализации были продемонстрированы преимущества теории неопределенности-идентичности М. Хогга по сравнению с другими моделями; на основе этой теории и были сформулированы предположения относительно оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Литература

1. Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 2. С. 227–246. doi:10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246
2. Бовин Б.Г., Москвитина М.М., Бовина И.Б. Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 3. С. 97–107. doi:10.17759/jmfp.2020090309
3. Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120–142. doi:10.17759/psylaw.2020100309
4. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.
5. Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups // Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol. 23. P. 91–108. doi:10.1177/1368430217743577
6. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism // Journal of Threat Assessment and Management. 2019. Vol. 6. P. 76–92. doi:10.1037/tam0000123
7. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. P. 14–25.
8. Cronin A.K. Behind the curve. Globalization and international terrorism // International Security. 2002/2003. Vol. 27. P. 30–58. doi:10.1162/01622880260553624
9. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / J.D. Wright (ed.). Oxford: Elsevier, 2015. P. 899–903.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

10. *Doosje B., Loseman A., Van den Bos K.* Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 586–604. doi:10.1111/josi.12030
11. *Fowler J.C.* Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments // *Psychotherapy*. 2012. Vol. 49(1). P. 81–90. doi:10.1037/a0026148
12. *Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E.* Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 495–517. doi:10.1111/josi.12026
13. *Gill P., Clemmow C., Hetzel F., Rottweiler B., Salman N., Van Der Vegt I., Marchment Z., Schumann S., Zolghadriha S., Schulten N., Taylor H., Corner E.* Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism // *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2020. Vol. 32. P. 51–78. doi:10.1080/14789949.2020.1820067
14. Global Terrorism database [Электронный ресурс] // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism an Emeritus Center of Excellence of the U.S. Department of Homeland Security. University of Maryland. 2022. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 26.06.2022).
15. *Goldman L., Hogg M.A.* Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 46(9). P. 544–553. doi:10.1111/jasp.12382
16. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
17. *Herrington V., Roberts K.* Risk assessment in counterterrorism // *Countering terrorism: Psychosocial strategies* / U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). London, United Kingdom: Sage, 2012. P. 282—305.
18. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty* / M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35.
19. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39 / M.P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Academic Press. 2007. P. 69–126.
20. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Handbook of theories of social psychology* / P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Sage Publications Ltd, 2012. P. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
21. *Hogg M., Kruglanski A., Van den Bos K.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 407–418. doi:10.1111/josi.12021
22. *Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J.* The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46(6). P. 1061–1066. doi:10.1016/j.jesp.2010.05.005
23. *King M., Taylor D.M.* The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23(4). P. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064
24. *Kruglanski A., Fishman S.* Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // *Social Issues and Policy Review*. 2009. Vol. 3(1). P. 1–44. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

25. *Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J.* Elements of a Lay Theory of Groups: Types of Groups, Relational Styles, and the Perception of Group Entitativity // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5(2). P. 129–140. doi:10.1207/S15327957PSPR0502_4
26. *Lloyd M.* Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report, 2019 [Электронный ресурс] // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (дата обращения: 26.06.2022).
27. *Merari A., Diamant I., Bibi A., Broshi Y., Zakin G.* Personality Characteristics of “Self Martyrs” / “Suicide Bombers” and Organizers of Suicide Attacks’ // *Terrorism and Political Violence*. 2010. Vol. 22(1). P. 87–101. doi:10.1080/09546550903409312
28. *Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H.* Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a comprehensive Model of Terrorist Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2019. Vol. 34(1). P. 48–70. doi:10.1080/09546553.2019.1663828
29. Risk assessment in prison. European Commission. 2021 [Электронный ресурс] // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_paper_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (дата обращения: 26.06.2022).
30. *Sarma K.M.* Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72(3). P. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
31. *Silke A.* The study of terrorism and counterterrorism // *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism* / A. Silke (ed.). New York: Routledge, 2019. P. 1–10.
32. *Tajfel H.* Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33(1). P. 1–39. doi:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
33. *Trimbur M.* Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d’Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.
34. *van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G.* No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time // *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective* / A. Azzi, X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Blackwell Wiley, 2010. P. 256–274.
35. *Wieviorka M.* From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism // *Societies under threat* / D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). Cham: Springer, 2020. P. 75–85.

References

1. Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B. Vovlechenost’ v terroristicheskuyu deyatel’nost’ v Rossii i mire: ot psikhologicheskikh k sotsial’no-psikhologicheskim faktoram [Involvement in terrorist activities in Russia and in the world: from psychological to social-psychological factors] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 227–246. doi:10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246 (In Russ.).
2. Bovin B.G., Moskvitina M.M., Bovina I.B. Radikalizatsiya zhenshchin: ob’yasnitel’nyi potentsial sotsial’no-psikhologicheskogo znaniya [Radicalization of women: an explicative potential of social psychological knowledge] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya =*

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vrashkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

Journal of Modern Foreign Psychology, 2020. Vol. 9, no. 3, pp. 97–107.
doi:10.17759/jmfp.2020090309 (In Russ.).

3. Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D. Radikalizatsiya: sotsial'no-psikhologicheskii vzglyad (Chast' I) [Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part I)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120–142. doi:10.17759/psylaw.2020100309. (In Russ.).

4. Baudrillard J. Dukh terrorizma. Voiny v Zalive ne bylo. [Spirit of terrorism. The Gulf War Did Not Take Place]. Moscow: Ripol-Klassik, 2017. 226 p. (In Russ.).

5. Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23, pp. 91–108. doi:10.1177/1368430217743577

6. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2019. Vol. 6, pp. 76–92. doi:10.1037/tam0000123

7. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp. 14–25.

8. Cronin A.K. Behind the curve. Globalization and international terrorism. *International Security*, 2002/2003. Vol. 27, pp. 30–58. doi:10.1162/01622880260553624

9. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In J. D. Wright (ed.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier, 2015. P. 899–903.

10. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 586–604. doi:10.1111/josi.12030

11. Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments. *Psychotherapy*, 2012. Vol. 49, no. 1, pp. 81–90. doi:10.1037/a0026148

12. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 495–517. doi:10.1111/josi.12026

13. Gill P., Clemmow C., Hetzel F., Rottweiler B., Salman N., Van Der Vegt I., Marchment Z., Schumann S., Zolghadriha S., Schulten N., Taylor H., Corner E. Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 2020. Vol. 32, pp. 51–78. doi: 10.1080/14789949.2020.1820067

14. Global Terrorism database [Elektronnyi resurs]. *National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism an Emeritus Center of Excellence of the U.S. Department of Homeland Security. University of Maryland*. 2022. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Accessed 26.06.2022).

15. Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance. *Journal of Applied Social Psychology*, 2016. Vol. 46, no. 9, pp. 544–553. doi:10.1111/jasp.12382

16. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.

17. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). *Countering terrorism: Psychosocial strategies*. London, United Kingdom: Sage, 2012, pp. 282–305.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

18. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 19–35.
19. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39, pp. 69–126.
20. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd, 2012, pp. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
21. Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407–418. doi:10.1111/josi.12021
22. Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol. 46, no. 6, pp. 1061–1066. doi:10.1016/j.jesp.2010.05.005
23. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011. Vol. 23, no. 4, pp. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064
24. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis. *Social Issues and Policy Review*, 2009. Vol. 3, no. 1, pp. 1–44. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
25. Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J. Elements of a Lay Theory of Groups: Types of Groups, Relational Styles, and the Perception of Group Entitativity. *Personality and Social Psychology Review*, 2001. Vol. 5, no. 2, pp. 129–140. doi:10.1207/S15327957PSPR0502_4
26. Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report, 2019. [Elektronnyi resurs]. *Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST)*. URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (Accessed: 26.06.2022).
27. Merari A., Diamant I., Bibi A., Broshi Y., Zakin G. Personality Characteristics of “Self Martyrs” / “Suicide Bombers” and Organizers of Suicide Attacks”. *Terrorism and Political Violence*, 2010. Vol. 22, no. 1, pp. 87–101. doi:10.1080/09546550903409312
28. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a comprehensive Model of Terrorist Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2019. Vol.34, no. 1, pp. 48–70. doi:10.1080/09546553.2019.1663828
29. Risk assessment in prison. European Commission. 2021 [Elektronnyi resurs]. *Migration and Home Affairs*. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Accessed 26.06.2022).
30. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
31. Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In A. Silke (ed.). *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism*. New York: Routledge, 2019, pp. 1–10.
32. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, no. 1, pp. 1–39. doi:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
33. Trimbur M. Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d’Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Bovina I.B.
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

34. van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P. G. No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time. In A. Azzi, X. Chrysoschoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. Blackwell Wiley, 2010, pp. 256–274.
35. Wiewiorka M. From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer, 2020, pp. 75–85.

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Лаврешкин Никита Владимирович, старший преподаватель, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Docent, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

*Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.*
Легитимизация терроризма в подростково-
молодежной среде: от механизмов радикализации
к модели оценки риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170.

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Bovina I.B.*
The Legitimization of Terrorism in Adolescence
and Youth: from Radicalisation Mechanisms
to Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170.

Nikita V. Lavreshkin, Senior Lecturer, Department of Juridical Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 06.09.2022
Принята в печать 06.11.2022

Received 06.09.2022
Accepted 06.11.2022